

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА. МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

Безверхов Артур Геннадьевич
Bezverkhov Artur Gennadievich

доктор юридических наук, профессор,
директор юридического института Самарского университета,
заслуженный юрист Российской Федерации
*Doctor of Law, Professor and Executive Director of the Law Institute
of Samara University, Honored Lawyer of Russian Federation*
E-mail: bezverkhov-artur@yandex.ru

УДК 340.1

ЗАКОН И ПРАВО В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ *LAW AND LAW IN THE DIGITAL ECONOMY*

Аннотация. В статье акцентируется внимание на роли права в современном обществе и особенностях правового регулирования цифровых отношений. Время цифровой трансформации обуславливает дальнейшее совершенствование юридических средств, предотвращает надежную правовую охрану нового миропорядка. Право не может оставаться безучастным к набирающим силу процессам цифровизации, которые все глубже проникают в ткань современного социума. Развитие цифровой экономики требует соответствующего правового обеспечения для того, чтобы человеческая сущность всегда преобладала над кибернетическими технологиями. В эпоху высоких технологий принцип гуманизма, правовое обеспечение безопас-

ности человека приобретают особую остроту. Традиционные для нас конструкции, вполне пригодные для охраны индустриальной экономики, вряд ли способны эффективно противостоять натиску «цифровых» вызовов, надежному правовому обеспечению информационной безопасности в эпоху постиндустриализма. Указанные обстоятельства ставят задачу разработки нового юридического инструментария, который непосредственно предназначен для обеспечения правового регулирования и охраны цифровых отношений. При создании нового категориального аппарата целесообразно опираться на данные теорий управления, связи и информации. Важно оперативно конструировать постиндустриальные регуляторы, так как новым объектам правового регулирования и охраны не соответствуют традиционные юридические средства и инструменты, которые могут быть использованы. Юридические конструкции, которые вполне пригодны для охраны индустриальной экономики, вряд ли способны эффективно противостоять натиску «цифровых» вызовов, всестороннему правовому обеспечению информационной безопасности в эпоху постиндустриализма. Поэтому одной из основных задач становится разработка адекватного правового инструментария для регулирования и охраны современной цифровой реальности.

Abstract. *The article focuses on the role of law in modern society and the features of the legal regulation of digital relations. The time of digital transformation determines the further improvement of legal means, predetermines the reliable legal protection of the new world order. Law cannot remain indifferent to the growing digitalization processes that are penetrating deeper and deeper into the fabric of modern society. The development of the digital economy requires appropriate legal support so that the human essence always prevails over cybernetic technologies. In the era of high technology, the principle of humanism, the legal provision of human security becomes especially acute. Our traditional constructions, quite suitable for protecting the industrial economy, are hardly able to effectively withstand the onslaught of «digital» challenges, reliable legal support of information security in the era of post-industrialism. Therefore, one of the main tasks today is the adequacy of the legal tools of modern digital reality. These circumstances set the task of developing new legal tools that are directly designed to ensure the legal regulation and protection of digital relations. When creating a new categorical apparatus, it is advisable to rely on data from the theories of control, communication and information. It is important to quickly design post-industrial regulators,*

since the new objects of legal regulation and protection do not correspond to traditional legal means and tools that can be used. Legal structures that are quite suitable for the protection of the industrial economy are hardly able to effectively withstand the onslaught of «digital» challenges, comprehensive legal support of information security in the era of post-industrialism. Therefore, one of the main tasks is the development of adequate legal tools for the regulation and protection of modern digital reality.

Ключевые слова: цифровизация, право в сфере высоких технологий, правовое регулирование цифровой экономики, правовая охрана информационно-телекоммуникационных отношений.

Keywords: digitalization, law in the field of high technologies, legal regulation of the digital economy, legal protection of information and telecommunications relations.

Современное общество и человек находятся на пересечении множества миров, имеющих биологическую, информационную, социальную и иную самую разную природу. При этом развитие сегодняшнего социума и общественный прогресс подчиняются своим особым законам, которые подчас противоречат даже законам физического мира. К примеру, согласно одной из закономерностей физики – второму началу термодинамики, физический мир движется по течению времени, находясь под воздействием огромного потока дезорганизованности и беспорядка. Этот поток «в соответствии со вторым законом термодинамики стремится все свести к тепловой смерти, всеобщему равновесию и одинаковости» [1, с. 281]. По этому закону в мире физическом порядок необратимо уступает место хаосу, происходят необратимые процессы рассеивания энергии и возрастания энтропии¹, утрата устойчивости и увеличение степени бессистемности.

Напротив, в современном социуме доминируют процессы упорядоченности и дисциплинированности, стабильности и устойчивости. Чем обеспечивается прогрессивное историческое развитие? Благодаря каким механизмам общество разви-

¹ Энтропия – это мера необратимого рассеивания энергии, мера неупорядоченности и неопределенности системы.

вается в сторону повышения уровней и усложнения способов организации и управления? Какие общественные явления и процессы противостоят «второму началу термодинамики» – социальному хаосу? Одним из таких фундаментальных конструктов является право как универсальный регулятор общественных отношений, и его главная форма выражения – закон. Правовое регулирование – это процесс целенаправленного воздействия государства на значимые общественные отношения при помощи специальных юридических средств и методов, которые направлены на упорядочивание этих отношений. Правовое регулирование снижает уровень неупорядоченности и придает устойчивость общественному развитию.

Как уже подчеркивалось, человек и общество включены во множество миров. Одним из таких миропорядков является мир юридический. Несколько перефразируя слова известного ученого-кибернетика, замечу: в этом мире первая обязанность юристов состоит в том, чтобы устраивать островки порядка и системы, устойчивости и определенности. «Эти островки не существуют вечно в том виде, в котором мы их некогда создали. Подобно Красной королеве, мы должны бежать со всей быстротой, на которую только способны, чтобы остаться на том месте, где однажды остановились» [1, с. 281–282]. Закон и право призваны закреплять позитивные образцы поведения в социальных отношениях и вытеснять социально вредоносные акции – это то, что Д. Максвелл, Л. Больцман и Д. Гиббс в своих физических работах связывали с «тепловой смертью». Здесь же одновременно проявляются социально-политическая ценность, организационно-управленческая особенность и общественная сила юридического мира и права – их способность строить островки порядка даже в «кипящей магме» общественных катаклизмов, создавать «законы войны», упорядочивать процессы военных действий, создавать своды правил «ведения боя», в том числе использования и применения оружия.

Закон и право являются эффективными, только будучи социально детерминированными. Закон и право действенны, если имеют основания для своих стабилизирующих конструкций в обществе. Их роль особенно возрастает в условиях глубоких трансформаций, становления новых общественно-экономических формаций, тектонических изменений в геополитике, глобальной экономике, технологической сфере, во всей системе международных отношений и пр.

Главная задача юридического мира – обеспечить надежную охрану общественных отношений, рождающихся в ходе кардинальных преобразований, складывающихся в процессе глобальных эволюционных изменений, формирующихся в условиях формационных или цивилизационных трансформаций. Повышенная защита нового миропорядка – одна из основных задач закона и права.

Современный этап развития общественных отношений уникален. XXI век войдет в историю как век информатизации и цифровизации. Человеческий мир проходит в этом веке новый этап своего развития, который рассматривается как четвертая промышленная революция – новый подход к производству, распределению, обмену и потреблению товаров, работ и услуг, основанный на массовом внедрении в различные сферы социальной жизнедеятельности информационных технологий, масштабной автоматизации общественных процессов, распространении искусственного интеллекта, роботизации и т.д. Высокие технологии создают новую параллельную реальность, ранее неизвестный мир – постинформационный, виртуальный, электронный, цифровой. Мир, который весьма отличен от того традиционного физического, природного мира, в котором общество и человек привыкли жить.

Указанная особенность нового мира отражена в п. «р» ст. 4 Указа Президента Российской Федерации от 09.05.2017 № 203 «О стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы». Здесь цифровая экономика рассматривается как хозяйственная деятельность, где клю-

чевым фактором производства являются данные в цифровом виде, обработка больших объемов, использование результатов анализа которых, по сравнению с традиционными формами хозяйствования, позволяют существенно повысить эффективность различных видов производства, технологий, оборудования, хранения, продажи, доставки товаров и услуг. Цифровая экономика – это не отдельная отрасль, а базис, фундамент, который позволяет создавать качественно новые структуры, конструкции, модели в сфере предпринимательства, образования, а также в социальной и политической сферах. Цифровизация задает новую парадигму развития личности, общества, государства. При этом становится очевидным, что, как бы мы ни определяли цифровую экономику, наша связь с цифровым миром становится определяющей характеристикой дальнейшего прогресса общества. Цифровое развитие экономики будет ускоряться.

Логичным следствием преобразования общества в эпоху цифровой экономики стало появление новых – цифровых – отношений, характеризующихся наличием специфических компонентов: социальных сетей (VK, Telegram и др.); облачных компьютерных сервисов и вычислений; глобальных баз больших данных; промышленного интернета и интернет-торговли; технологий виртуальной и дополненной реальности; токенов и майнингов; смарт-контрактов; криптовалют (Bitcoin, Ethereum, Ripple, Litecoin и др.); блокчейн-технологий на принципах распределенного реестра; киберпространства; электронных лиц и др. Как справедливо подмечено, «фактически эти технологии представляют собой гибриды, объединяющие человека с нечеловеческими сущностями, причем последние, будучи созданными, получают известную автономность от человека» [2, с. 14]. Более того, как справедливо отмечает В.Д. Зорькин, новейшие высокие технологии вторгаются в природу человека и создают реальные угрозы не только сохранению биосоциального единства человечества, но и выживанию человека как биологического вида. «Кантовское определение свободы как первонач-

чального права, присущего каждому человеку в силу его принадлежности к человеческому роду, вовсе не так абстрактно и безгранично, как может показаться на первый взгляд. Ведь оно включает в себя такие ограничения прав человека, которые обусловлены его принадлежностью к человеческому роду и связаны с необходимостью сохранения человечества. А это значит, что кантовский категорический императив включает в себя императив сохранения человечества как социальной целостности и человека как биологического вида» [3].

Суть нового (информационного, постиндустриального, цифрового, электронного) общества – в социуме, в котором возрастает роль компьютерной информации, высоких технологий, постоянного воспроизводства новых идей. Если на чаши весов в таком обществе положить, с одной стороны, материальные блага (вещи), а с другой – интеллектуальные ценности, последние перевесят.

Очевидно, что у такого социума свои закономерности. Одна из них уже обозначена – в таком обществе на первом месте стоят знания и интеллектуальные ценности, а не вещная собственность или материальное имущество. В таком обществе именно информация и информационные процессы, а не физический труд или машинное производство становятся основными переменными, формирующими социальные потребности и интересы.

Другие закономерности нового миропорядка обусловлены особенностями информации и информационных ресурсов.

Информация – это отражение самых разных состояний (разнообразия) реального мира. Это отражение выражается в виде символов и знаков, обозначающих, согласно теории К. Шеннона, снятую неопределенность наших знаний о чем-то. Для общества и человека получение нужной информации – это не только удовлетворение некоего любопытства или самообучение. Это обретение чувства *безопасности*.

Уникальность информации состоит в том, что ее нельзя причислять к сфере материи. Информация *нематериальна*.

Материальная сторона информации является вторичной. Наряду с физическими субстанциями и энергией информационные процессы служат основой реальности окружающих нас миропорядков, все частички которых несут информацию как отрицание энтропии. Это обстоятельство указывает на параллельную физическому миру реальность, которая отличается собственными правилами и законами.

Более того, в современной астрофизике выдвинут подход, согласно которому физический мир базируется на информационном. С точки зрения американского физика-теоретика Д. Уилера, основу физических явлений составляет информация, все объекты физического мира следует рассматривать как вторичные, как носители абстрактной и фундаментальной сущности – информации. Информация образует целостное ядро самой физической реальности. В 1990 г. этот ученый в своей работе «Геоны, черные дыры и квантовая пена: жизнь в физике» высказал предположение, что информация является фундаментальной концепцией физики. Согласно его доктрине *it from bit* (всё из бита), всякие сущности в своей основе – информационно-теоретические, любой физический объект и материя основаны на информации [4]. Это означает, что каждая частица (например, поле или сила, пространство – время) производит свою функцию, имеет свой смысл, ведет свое существование из ответов на вопросы «да» или «нет» (бинарный выбор – биты). Получается, что основой реальности нашего физического мира является не материя и энергия, а именно нематериальный источник, базирующийся на обмене информацией [5, с. 182].

Кстати говоря, неприменимость в отношении информации парадигмы права собственности и иных вещных прав приводит к формированию новых правовых конструкций и институтов, появлению новых юридических понятий, которые характеризуют работу телекоммуникаций и цифровых платформ. Одна из новых категорий – «цифровые права», введенная Федеральным законом от 18.03.2019 № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Граждан-

ского кодекса Российской Федерации». Под цифровыми правами предложено понимать «обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам. Осуществление, распоряжение, в том числе передача, залог, обременение цифрового права другими способами или ограничение распоряжения цифровым правом возможны только в информационной системе без обращения к третьему лицу» (ч. 1 ст. 141.1 ГК РФ).

31 июля 2020 года подписан Федеральный закон № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты». Данный нормативно-правовой акт направлен на регулирование отношений, возникающих при выпуске, учете и обращении цифровых финансовых активов, а также отношений, возникающих при обороте цифровой валюты в Российской Федерации. Приведем определения базовых категорий этого источника. *Цифровыми финансовыми активами* признаются цифровые права, включающие денежные требования, возможность осуществления прав по эмиссионным ценным бумагам, права участия в капитале непубличного акционерного общества, право требовать передачи эмиссионных ценных бумаг, которые предусмотрены решением о выпуске цифровых финансовых активов в порядке, установленном законом, выпуск, учет и обращение которых возможны только путем внесения (изменения) записей в информационную систему на основе распределенного реестра, а также в иные информационные системы. *Цифровой валютой* называется совокупность электронных данных (цифрового кода или обозначения), содержащихся в информационной системе, которые предлагаются и (или) могут быть приняты в качестве средства платежа, не являющегося денежной единицей Российской Федерации, денежной единицей иностранного государства и (или) международной денежной или расчетной единицей, и (или) в качестве инвестиций и в отношении которых отсутствует лицо, обязанное перед каждым обладателем

таких электронных данных, за исключением оператора и (или) узлов информационной системы, обязанных только обеспечивать соответствие порядка выпуска этих электронных данных и осуществления в их отношении действий по внесению (изменению) записей в такую информационную систему ее правилам. Требования настоящего Федерального закона не распространяются на обращение безналичных денежных средств, электронных денежных средств, а также на выпуск, учет и обращение бездокументарных ценных бумаг (ст. 1). В Российской Федерации запрещается распространение информации о предложении и (или) приеме цифровой валюты в качестве встречного предоставления за передаваемые ими (им) товары, выполняемые ими (им) работы, оказываемые ими (им) услуги или иного способа, позволяющего предполагать оплату цифровой валютой товаров (работ, услуг) (ст. 14).

Даже беглое знакомство с указанными новеллами показывает, что это не цифровые формы действующей валюты, а совершенно другая парадигма платежных средств, связанных с частной эмиссией.

Еще один документ, который необходимо упомянуть, – это Федеральный закон от 31.07.2020 № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации». Этот источник понимает под цифровыми инновациями новые или существенно улучшенные продукт (товар, работа, услуга, охраняемый результат интеллектуальной деятельности) или процесс, новые метод продаж или организационный метод в деловой практике, организации рабочих мест или во внешних связях, введенные в употребление, созданные или используемые по направлениям, предусмотренным данным законом. Экспериментальный правовой режим в сфере цифровых инноваций предполагает применение в отношении участников экспериментального правового режима в течение определенного периода времени специального регулирования по направлениям разработки, апробации и внедрения цифровых инноваций. Экспериментальные правовые

режимы цифровых инноваций охватывают следующие сферы: 1) медицинская деятельность, в том числе с применением телемедицинских технологий и технологий сбора и обработки сведений о состоянии здоровья и диагнозах граждан, фармацевтическая деятельность; 2) проектирование, производство и эксплуатация транспортных средств, в том числе высокоавтоматизированных транспортных средств и беспилотных воздушных судов, аттестация их операторов, предоставление транспортных и логистических услуг и организация транспортного обслуживания; 3) сельское хозяйство; 4) финансовый рынок; 5) предоставление государственных и муниципальных услуг и осуществление государственного контроля (надзора) и муниципального контроля; 8) промышленное производство (промышленность) и многое другое. Одна из основных целей экспериментального правового режима – это формирование новых видов и форм экономической деятельности, способов осуществления экономической деятельности по результатам реализации этого экспериментального правового режима.

Далее, к информационному благу неприменимо традиционное экономическое понимание исчерпаемости. Это *неограниченный* ресурс. Информации не присуща физическая природа, а также информация не имеет качества редкости в традиционном смысле слова. Поэтому одна и та же информация может находиться одновременно в ведении многих физических и юридических лиц. Это объясняется тем, что информация сохраняется (не исчезает) в процессах ее использования, потребления, распоряжения. Информация в этом смысле *неисчерпаема*.

Неподверженность цифровых данных физическому старению (процессу, характерному для биологических организмов) приводит к образованию *огромного массива* (большого объема) информации, одновременно доступного фактически неограниченному кругу лиц – не ограниченному как в пространственном, так и во временном отношениях. В этом смысле информация «бессмертна», как говорится, «рукописи не горят». Более того, получая свойство неисчерпаемости, информационные ресурсы

обеспечивают себе со временем все более «легкое», «ускоренное» усвоение с учетом прежде всего ограниченности биологических возможностей человека по восприятию информации: с одной стороны, современный человек за небольшой промежуток времени (неделю, месяц, год) способен потребить такой объем информации, который люди начала XX века могли осваивать всю свою жизнь, а с другой – в настоящее время медиапотребление достигло такого уровня и объема, что может превышать количество часов в сутках, так как современная жизнь позволяет получать информацию одновременно из самых разных источников.

Историко-правовой подход свидетельствует, что закон и право всегда имели дело с ограниченными ресурсами (земля и другие природные объекты, иная недвижимость и движимое имущество). Теперь названным регуляторам придется учиться регламентировать общественные отношения по поводу информации и иных *неограниченных* ресурсов.

Отмечу еще один любопытный момент. Если по мере эксплуатации материально-технической базы последняя истощается, то информация по мере ее использования возрастает. Потребление вещей есть их истощение и разрушение; потребление информации есть ее распространение и расширение. Информация в процессе потребления способна к тиражированию, копированию без ограничений и ущерба для ее содержания, информация способна к практически ничем не ограниченному умножению. При этом стремление информации к генерализации и самовозрастанию, к публичному и открытому распространению, к переходу к определенному или неопределенному, узкому или широкому кругу лиц является ее закономерностью.

Кроме того, уникальность информации состоит также в *субъективности ее восприятия*. Ценность информации определяется самим потребителем. Причем для разных потребителей одна и та же информация может обладать разной субъективной ценностью. При этом на смену трудовой, меновой теории стоимости приходит «информационная теория стоимости». В последней ценность информации определяется как разность

между вероятностями достижения цели до и после получения информационного ресурса. Проблемой становится разработка адекватных механизмов оценки информационных благ.

Нельзя не сказать об особенностях оборота информации как неограниченного ресурса, которую также необходимо учитывать при правовом регулировании соответствующих отношений. В процессах обращения информация переходит от одного лица к другому, не покидая первых владельцев. Ведь информация переходит от одного лица к другому обычно не путем отчуждения, а путем копирования, передачи, распространения, списания. При этом она, как правило, сохраняется у начального владельца. Отчуждение будет иметь место лишь тогда, когда первоначальный обладатель не имеет возможности воссоздать утерянную информацию (что случается крайне редко). Возвратить информацию также нельзя (или достаточно трудно) без того, чтобы другие лица перестали обладать ею (как говорится, «слово – не воробей, вылетит – не поймаешь»). Далее, индивидуально-определенную вещь недопустимо продавать одновременно нескольким участникам рынка – это, по сути дела, мошенничество. А одну и ту же информацию можно продавать много раз не только разным, но и одному и тому же участнику хозяйственных отношений, и в этом, как правило, нет ничего предосудительного и противоправного.

Информация и кибернетические технологии могут быть вплетены в различные сферы и виды деятельности. Таким образом, виртуальная реальность обуславливает *многообъектность* информационно-телекоммуникационных отношений, что, в свою очередь, свидетельствует об их повышенной значимости.

Обратим внимание также на особые пространственно-временные характеристики цифровой реальности. Информация и виртуальность как пространственные категории лишены в физическом смысле слова длины, ширины и высоты. Информация и виртуальность не измеряются в метрах или иных физических единицах исчисления, не требуют физических перемещений. В виртуальном пространстве можно двигаться со скоростью звука, света или даже мысли.

Киберсреда не связана с географическими и юрисдикционными границами и не подчиняется физическим закономерностям и размерности пространства.

Распространение высоких технологий в социуме определяет рост «обезличенных», «вне физического контакта», «онлайн» способов поведения с использованием ЭВМ, системы ЭВМ или их сети. При таких обстоятельствах становятся возможными: действия одного лица (участника отношений или субъекта правонарушения) одновременно в нескольких местах, совершение одним лицом параллельно и одновременно множества правомерных и (или) противоправных действий; воздействие на окружающий мир без необходимости физического присутствия субъекта на месте сделки или правонарушения. Цифровая реальность вполне допускает, что участники договорных отношений (равным образом как правонарушитель, так и его жертва) могут находиться в момент заключения сделки либо совершения деликта на противоположных полюсах земного шара, поскольку для электронной подписи не требуется ручки, бумаги и чернил.

Наконец, современные цифровые трансформации определяют рост выгод, увеличение размера оборота или материального ущерба и, соответственно, существенное повышение общественной полезности или опасности содеянного. В самом деле, по тяжести последствий карманную кражу трудно сопоставить с противоправным «обнулением» электронного кошелька, вклада или счета в мобильном банке.

Цифровизация глубоко проникает в ткань современных общественных отношений. Она предполагает не только решение сугубо технических задач, но также и создание правовой базы, которая будет регулировать многочисленные вопросы свободы и безопасности, связанные с использованием цифровых технологий. Цифровизация воздействует на правовое регулирование. Право меняется в условиях цифровой трансформации, так как высокие технологии наполняют право новым содержанием. Обществу требуется правовое обеспечение цифровой экономики.

Очевидно, что новые экономические и иные отношения, которые соприкасаются с информационной средой, а также с робототехникой, искусственным интеллектом, электронными справочными правовыми системами и т.д., требуют нового нормативно-правового регулирования и надежной правовой охраны.

Государство взяло курс на цифровизацию, который предполагает и техническое, и экономическое обеспечение поставленных задач, а равно правовое регулирование и охрану новых реалий. Поэтому в условиях цифровой трансформации происходит совершенствование и дальнейшее развитие как технологической, хозяйственной, так и правовой системы. В этой связи одной из важнейших задач является формирование комплексного правового регулирования и охраны цифровой экономики, основанных на гибком подходе в каждой сфере.

В связи с вступлением современного общества в постиндустриальное состояние возникает целый комплекс вопросов юридического характера. Один из них связан с реализацией в новых условиях принципа *гуманизма*. В эпоху высоких технологий принцип гуманизма, правовое обеспечение безопасности человека приобретают особую остроту. При этом основная задача новейшего права состоит в эффективном регулировании и надежной охране цифровых отношений. Как подчеркивалось ранее, цифровое общество и экономика нуждаются в правовом регулировании. Они нуждаются в юридической регламентации для того, чтобы защитить прежде всего человеческую сущность, чтобы человек и его неотъемлемые права всегда преобладали над искусственным интеллектом и другими кибернетическими технологиями. «Человеческая сущность должна преобладать над технологией» (А. Эйнштейн). Качественно новая, постчеловеческая природа высоких технологий XXI века меняет не только внешнюю по отношению к человеку среду, но и самого человека – его сознание, его психические и физические характеристики, угрожает «технологической дегуманизацией». Достигая позитивных результатов в лечении, повышении качества жизни и в спасении жизни отдельного человека, эти ки-

бернетические технологии, вторгающиеся в природу человека, на общечеловеческом уровне чреваты накоплением груза дегуманизации [6, с. 6].

«Цифровая реальность все больше наступает на традиционное право» [7, с. 9], поскольку право обычно не создает новых отношений, а оформляет отношения, уже сложившиеся или складывающиеся. «Юрист может уловить только то, что уже устоялось» [7, с. 12], однако в цифровом мире мы все чаще имеем дело с *принципом опережающего законодательного отражения*. Современное право призвано как определять становление, так и ускорять развитие цифровых отношений.

В настоящее время юридические споры все чаще возникают в мире невещном, в мире информационном, который мы пытаемся часто овеществить («мошенничество с персональными данными», «кража личности», «хищение безналичных средств» и т.п.). Это обстоятельство объяснимо. Закон не успевает за бурным развитием цифровых технологий, что обусловлено в целом консервативной природой права как универсального регулятора и охранителя значимых общественных отношений. Поэтому законодатель часто использует старый, проверенный временем арсенал, чтобы регулировать совершенно новый тип поведения. К примеру, конструкции «мошенничество в сфере компьютерной информации», «мошенничество с использованием электронных средств платежа» и «кража с банковского счета или в отношении электронных денежных средств» есть не что иное, как своеобразные аналогии, используемые законодателем в целях восполнения пробелов закона путем расширения сферы действия норм о «хищении чужого имущества» или одной из форм «мошенничества» для обеспечения охраны новых общественных отношений. Как говорится, «не вливайте вина молодого в мехи старые».

Можем ли мы с помощью регуляторов доцифровой эпохи регламентировать новые явления и процессы в киберсреде? Думается, что в данном случае доцифровые регуляторы непригодны: «Старые подходы и шаблоны здесь не работают» [7, с. 14]. Это обстоятельство делает необходимой разработ-

ку нового юридического инструментария, который непосредственно предназначен для обеспечения правового регулирования и охраны цифровых отношений. При создании нового категориального аппарата целесообразно опираться на данные теорий управления, связи и информации. Праву в XXI веке целесообразно оперативно конструировать постиндустриальные регуляторы, так как новым объектам правового регулирования и охраны не соответствуют «старые», традиционные юридические средства и инструменты.

В настоящий момент мы находимся на начальных этапах трансформации правовых норм в условиях цифровой экономики.

1. Винер, Н. Я – математик. Ижевск: НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», 2001. – 336 с.

2. Цифровое право: учебник / под общ. ред. В.В. Блажеева, М.А. Егоровой. – Москва: Проспект, 2020. – 640 с.

3. Зорькин, В.Д. Право России: альтернативы и риски в условиях глобальной кризисности: лекция Председателя Конституционного Суда Российской Федерации на юбилейном Петербургском международном юридическом форуме, 29 июня 2022 года. – URL: https://rapsinews.ru/judicial_analyst/20220629/308071489.html (дата обращения: 06.08.2022).

4. Wheeler, John Archibald. Geons, Black Holes & Quantum Foam: A Life in Physics. – New York: W.W. Norton & Company, 1998. – 380 p.

5. Григорян, Г.Р. Мошенничество в сфере компьютерной информации: проблемы криминализации, законодательной регламентации и квалификации: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. – Самара, 2021. – 243 с.

6. Лапаева, В.В. Право техногенной цивилизации перед вызовами технологической дегуманизации // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2021. – № 3. – С. 4–35.

7. Хабриева, Т.Я. Право в условиях цифровизации. – Санкт-Петербург: СПбГУП, 2019. – 36 с. (Избранные лекции Университета; Вып. 189).